

М. Е. Бойко

Структурный анализ сложных характеров литературных персонажей на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

Аннотация: многие коллизии романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1868–1869) до сих пор остаются загадкой при поистине бесчисленном количестве исследований и интерпретаций. Неслучайно В. П. Буренин считал, что из всех «психиатрических художественных этюдов» Достоевского этот роман наиболее уводит в «область патологии»¹. На материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот» демонстрируется эвристический потенциал структурного метода анализа характеров персонажей и осуществляется гипотетическая реконструкция загадочного «свидания двух соперниц» (Настасья Филипповна и Аглая Епанчиной). В этой сцене (Часть IV, глава VIII) Настасья Филипповна неожиданно одерживает нравственную победу. Причем в качестве нравственного арбитра выступает князь Мышкин, влюбленный в ее соперницу Аглаю. Чтобы разобраться в этом клубке противоречий, необходимо выявить характерологическую подоплеку противостояния главных женских персонажей романа и природу того свойства образа Настасьи Филипповны, которое М. М. Бахтин назвал «двухголосостью» и «внутренней двойственностью».

Review: Many collisions of Fedor Dostoevsky's novel 'Idiot' (1868–1869) still remain a mystery despite them being studied and interpreted quite widely. It was not by accident when V. Burenin said that Dostoevsky's 'Idiot' touches the very 'sphere of pathology'. Based on the analysis of Fedor Dostoevsky's 'Idiot', the author of the article demonstrates heuristic potential of structural method for analyzing characters. The author of the article also hypothetically reconstructs a mysterious 'meeting of the two female antagonists' (Nastasia Phillipovna and Aglaya Epanchina). In that scene (Part IV, Chapter VIII) Nastasia Phillipovna wins morally all of the sudden. Duke Myshkin who is in love with Aglaya plays a role of a moral 'judge' here. In order to understand all these contradictions, it is necessary to describe typical patterns and causes of opposition between the main female characters as well as Nastasia Phillipovna's 'internal duality' as M. Bakhtin called it.

Ключевые слова: культурология, М. М. Бахтин, диалогичность, Ф. М. Достоевский, литературоведение, реконструкция, структурализм, структурный метод, характерология, характеры.

Keywords: cultural studies, M. Bakhtin, dialogue, Fedor Dostoevsky, literary studies, reconstruction, structuralism, structural method, character analysis, characters.

Особенность характеров персонажей Достоевского. Зигмунд Фрейд, как известно, определил невроз Ф. М. Достоевского как «истеро-эпилепсию, или иначе говоря как тяжелую истерию»². Мы не беремся судить, насколько этот диагноз справедлив, но несомненно, что очень многие исследователи обнаруживают в персонажах Достоевского признаки истерического (демонстративного) характера. Неслучайно Карл Леонгард, который обычно подбирал примеры из произведений разных писателей, в главе о демонстративных личностях проанализировал сразу четырех персонажей Достоевского. Это Федор Карамазов и его незаконный сын Смердяков («Братья Карамазовы»), Лебедев («Идиот») и Порфирий Петрович («Преступление

и наказание»)³. Возможно, истерический радикал в характере Достоевского проявился в том, что большинство его героев — это либо истерические (демонстративные) личности, либо персонажи, в структуре характера которых обнаруживается истерический радикал.

Так рождается исходная гипотеза: Аглая Епанчина и Настасья Филипповна (далее — НФ) могут рассматриваться как представительницы истерического (демонстративного) типа характера. При этом существует возможность, что в структуре характера одной из них (или обеих) может (могут) обнаружиться и другие характерологические радикалы. В этом случае мы имеем дело не с простыми, а со сложными характерами. Тогда можно обратиться к типологии сложных характеров, разработанной В. П. Рудневым и автором данных строк в ряде публикаций⁴.

¹ См.: Новое время. 1879. 24 дек. № 297; псевдоним «Тор». Цит. по: Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 15 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1989. С. 638.

² Фрейд З. Достоевский и отцеубийство // Фрейд. З. Интерес к психоанализу: Сборник. Минск: Попурри, 2009. С. 112.

³ Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 385–389, 397–400.

⁴ Бойко М. Е., Руднев В. П. Видовой признак // НГ-Ex libris, № 37, 2010; Руднев В. П. Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011; Бойко М. Е., Руднев В. П. Реализм и характер //

Чтобы проверить исходную гипотезу, обратимся к книге психотерапевта В. П. Волкова, обобщающей представления, устоявшиеся в современной отечественной характерологии. Согласно Волкову, ядро истерического характера включает в себя четыре основных компонента: **(1)** эгоцентризм (основной компонент ядра); **(2)** демонстративность (способ реализации эгоцентризма); **(3)** вытеснение (механизм, облегчающий демонстративность); **(4)** дисгармонический инфантилизм (почва для успешной работы вытеснения)⁵. Попробуем обнаружить эти компоненты в характерах Аглаи и НФ посредством структурного анализа.

Эгоцентризм. В сцене «свидания двух соперниц» Аглая мучительно подбирает нужное слово, чтобы посылнее уязвить НФ. Произносит «гордость», затем «тщеславие», чувствует недостаточность, поверхностность этих характеристик для обозначения нравственного изъяна, «дефекта» НФ. И, наконец, останавливается на «себялюбии»: «вы себялюбивы до... сумасшествия, чему доказательством служат и ваши письма ко мне. Вы его, такого простого, не могли полюбить, и даже, может быть, про себя презирали и смеялись над ним, могли полюбить один только свой позор и непрерывную мысль о том, что вы опозорены и что вас оскорбили» (567)⁶.

Очень точная диагностика. Только то, что Аглая подразумевает под словом «себялюбие», в современной характерологии обозначается термином «эгоцентризм». НФ насквозь эгоцентрична. Ее эгоцентризм проявляется в заикленности на собственной душевной травме и в той бесцеремонности, с которой она распоряжается судьбами других людей ради собственных призрачных целей. Вплетает в свою роковую игру впавшего в любовный амок Рогожина, вконец запутавшегося Ганю Иволгина («жертву» сделки Тоцкого и генерала Епанчина), Евгения Павловича (несмотря на свою «необыкновенную усидчивость в доме Епанчиных», уже отвергнутого Аглаей, 188) и других персонажей романа.

Но не все так просто. Подобное обвинение является характерологическим признаком самой Аглаи. Обвинение потому оказалось таким точным, что самолюбие присуще самой обвинительнице. Этот парадокс возникает всякий раз при столкновении

Знание. Понимание. Умение, № 3, 2011; *Бойко М. Е.* Метод структурного анализа характеров литературных персонажей: Апробация и первые итоги // *Культура и искусство*, № 1 (7), 2012.

⁵ *Волков П. В.* Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М.: Аграф, 2000. С. 58.

⁶ Все цитаты из романа «Идиот» приводятся по изданию: *Ф. М. Достоевский.* Собр. соч. в 15 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1989.

двух представителей истерического характера — каждый из них легко читает вытесненные мотивы другого, но не может осознать своих собственных, поскольку (и в этом особенность истерического характера) бессознательно их вытесняет. Как пишет Достоевский: «Наконец она твердо и прямо поглядела в глаза Настасьи Филипповны и тотчас же ясно прочла все, что сверкало в озлобившемся взгляде ее соперницы. Женщина поняла женщину; Аглая вздрогнула» (565–566).

НФ при личной встрече также легко разгадывает соперницу и меняет свое прежде положительное, идеализированное представление об Аглае в худшую сторону. Происходит то, что никто из присутствующих не ожидал — ни Аглая, ни НФ, ни Рогожин, ни князь Мышкин.

Аглая, так же как и НФ, насквозь эгоцентрична. Упрекая соперницу в себялюбии, она не видит, насколько себялюбивы ее собственные речи и поведение. Более того, мы понимаем, что само свидание с отказавшейся от своих планов соперницей было организовано Аглаей исключительно из чрезмерного себялюбия. Никакой другой причины для этой встречи не было, о чем свидетельствует недоумение НФ и, вообще-то несвойственные ей как персонажу, тактичность и сдержанность в начале свидания.

Ощущение надвигающейся трагедии, тревожное ожидание (саспенс) возникает на первых страницах романа. Но трагедия откладывается и откладывается, пока не возникает взаимное прозрение и разочарование двух соперниц. Поэтому кульминационная сцена романа — «свидание двух соперниц» — является одновременно и ключом к нему.

Демонстративность. Все поведение НФ окрашено демонстративностью: рассчитанные на внешний эффект эксцентриады, стремление привлечь к себе внимание, нежелание считаться с этикетом.

Рассмотрим нарочито развязное поведение НФ во время визита в квартиру Гани (Гавриила) Иволгина. НФ приходит без предупреждения, наигранно смеется («маскируется веселостью», 107), садится без приглашения, не слушает вежливых объяснений матери своего жениха, глумится над ним самим в присутствии его родни (и делает это нарочно, по собственному признанию, 167), даже не столько говорит, сколько кричит (постепенно все переходят на крик), потешается над отцом Гани — генералом Иволгиным, бесстыдно торгуется с Рогожиным.

Все идет по сценарию НФ, самозабвенно разыгрывающей «скверную» (52), «двусмысленную» (99), «бесстыжую» (120, 167, 175) женщину, «женщину с фокусами» (124), «бесстыдную камелию» (130), чтобы оправдать наихудшие опасения род-

О поэзии и прозе

стенников Гани, изначально предубежденных к ней. Спектакль срывает незапланированный фактор — новое действующее лицо. Видя фальшивость, неискренность поведения НФ, князь Мышкин вдруг обращается к ней с глубоким сердечным укором: «А вам и не стыдно! Разве вы такая, какою теперь представлялись. Да может ли это быть!»

Пристыженная князем, НФ уходит, «несколько смешавшись» (121), но все равно с истерическим жестом: «Настасья Филипповна удивилась, усмехнулась, но, как будто что-то пряча под свою улыбку, несколько смешавшись, взглянула на Ганю и пошла из гостиной. Но, не дойдя еще до прихожей, вдруг воротилась, быстро подошла к Нине Александровне, взяла ее руку и поднесла ее к губам своим» (121).

Это очень важная характерологическая деталь. Как пишет Леонгард, «истерик, полностью вжившийся в роль, не нуждается в том, чтобы судорожно приспособлять свое поведение к неожиданно изменившейся ситуации. Он реагирует всей личностью в плане той роли, которую он в данный момент играет. Это вживание в роль может зайти настолько далеко, что истерик на время перестает принимать в расчет свою конечную цель»⁷.

Смущение НФ наводит на мысль, что в структуре ее характера наряду с истерическим радикалом присутствует еще один радикал. «Вытеснение» у НФ не слишком глубокое, ее легко выбить из роли. Именно на это обращает внимание князь Ганя: «А заметили вы, что она сама ужасно неловка и давеча в иные секунды конфузилась?» (129).

Что же делает НФ, удалившись «несколько смешавшись»? Вечером того же дня она, как ни в чем ни бывало, разыгрывает еще более фееричное представление — празднование своего дня рождения. После приезда компании Рогожина гостям стало ясно, что «все это было рассчитано и устроено заранее и что Настасью Филипповну, — хоть она и, конечно, с ума сошла, — теперь не собьешь» (161). Как бы не так! Внимание: и во второй раз вмешательство князя Мышкина, явившегося без приглашения, легко разрушает истерический спектакль. Он предлагает НФ свою руку, вдруг оказавшись при этом обладателем значительного состояния. Теперь замешательство НФ намного серьезней: «Все утверждали потом, что с этого-то мгновения Настасья Филипповна и помешалась. Она продолжала сидеть и некоторое время оглядывала всех странным, удивленным каким-то взглядом, как бы не понимая и силясь сообразить. Потом она вдруг обратилась к князю и, грозно нахмутив брови, пристально его разглядывала; но

это было на мгновение; может быть, ей вдруг показалось, что все это шутка, насмешка; но вид князя тотчас ее разуверил. Она задумалась, опять потом улыбнулась, как бы не сознавая ясно чему...» (171).

Есть и другие демонстративные черты. Это, конечно, любовь к эксцентричным личностям, НФ окружает целая «свита» странных, даже курьезных персонажей.

А вот появление НФ в Павловске: «...как вдруг блестящий экипаж, коляска, запряженная двумя белыми конями, промчалась мимо дачи князя. В коляске сидели две великолепные барыни» (304), затем НФ кричит Евгению Павловичу, пытаясь скомпрометировать его. «Настасья Филипповна всего только четыре дня здесь в Павловске и уже обращает на себя общее внимание. Живет она где-то в какой-то Матросской улице, в небольшом, неуклюжем доме, у Дарьи Алексеевны, а экипаж ее чуть ли не первый в Павловске. Вокруг нее уже собралась толпа старых и молодых искателей; коляску сопровождают иногда верховые. Настасья Филипповна, как и прежде, очень разборчива, допускает к себе по выбору <...> Настасья Филипповна, впрочем, держит себя чрезвычайно порядочно, одевается не пышно, но с необыкновенным вкусом, и все дамы ее «вкусу, красоте и экипажу завидуют»», — рассказывает Ганя (309).

НФ появляется на вокзале в сопровождении шумной компании: «Она смеялась и громко разговаривала по-прежнему; одета была с необычайным вкусом и богато, но несколько пышнее, чем следовало» (350).

Присутствует истерический надрыв и в сцене прощания НФ с князем: «Она опустила пред ним на колени, тут же на улице, как иступленная; он отступил в испуге, а она ловила его руку, чтобы целовать ее, и точно так же, как и давеча в его сне, слезы блистали на ее длинных ресницах» (459).

Вытеснение. Мы уже видели, что НФ наделена характерологическими признаками, свидетельствующими о более или менее успешном вытеснении. Но самому сильному вытеснению подвергаются сексуальные импульсы. С самого начала мы узнаем о ее целомудрии после разрыва с Тоцким. Алексашка Лихачев ни за какие деньги не смог ее добиться, сообщает сплетник Лебедев (13). «Про Настасью Филипповну установилась странная слава: о ее красоте знали все, но и только; никто не мог ничем похвалиться, никто не мог ничего рассказать» (48). Коля говорит князю Мышкину: «а знаете, ведь она женщина добродетельная, — можете вы этому поверить? Вы думаете, она живет с тем. С Тоцким? Ни-ни! И давно уже» (129). Это характерологическая особенность настойчиво подчеркивается на протяжении всего романа.

⁷ Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 73.

«Недосягаемость эротического объекта для истерика — самая главная стратегическая цель. (Именно такова тактика поведения Настасьи Филипповны, все время переходящей от одного любовника к другому и в последний момент, “из-под венца”, сбегаящей от одного к другому, провоцируя тем самым собственную “истерическую смерть”»⁸, — пишет В. П. Руднев.

На протяжении романа НФ бежит от Рогожина в Москву, разысканная там Рогожиным, опять куда-то пропадает, вновь разысканная им дает ему почти верное слово выйти за него замуж. Но всего только две недели спустя вдруг бежала в третий раз, почти что из-под венца, и на этот раз пропала где-то в губернии, где ее разыскивает князь Мышкин. И так продолжается до трагического финала.

Дисгармонический инфантилизм.

Эрнст Кречмер писал: «Женщины-истерички нередко сохраняют психические стигмы раннего пубертата: отказ от телесной половой жизни при перенапряженных эротических фантазиях, быстро проносящиеся порывы чувств, девическую мечтательность, театральный пафос, резко констатирующий с наивной, капризничавшей детскостью, склонность к броским, блестящим ролям и игру с мыслями о самоубийстве, — всю ту причудливую смесь

забавного и трагического, которая характерна для определенной фазы пубертата»⁹.

НФ полностью соответствует этому описанию: «В желаниях своих Настасья Филипповна всегда была неудержима и беспощадна, если только решалась высказывать их, хотя бы это были самые капризные и даже для нее самой бесполезные желания» (148).

В свою очередь в образе Аглаи обнаруживаются истерические капризность, нетерпеливость, манерность, скандальность, эпатаж и деспотичность. «В каждой гневливой выходке Аглаи (а она гневалась очень часто) почти каждый раз, несмотря на всю видимую ее серьезность и неумолимость, проглядывало столько еще чего-то детского, нетерпеливо школьного и плохо припрятанного, что не было возможности иногда, глядя на нее, не засмеяться, к чрезвычайной, впрочем, досаде Аглаи, не понимавшей, чему смеются и “как могут, как смеют они смеяться”» (248). Мышкина она без зазрения совести называет «уродиком» и «идиотом» (321).

Двойничество Аглаи и НФ. Можно провести контрольный эксперимент. Мы выбрали подмножество характерологических признаков обеих героинь — а именно коммуникативные особенности.

Таблица 1

Сравнительная таблица коммуникативных особенностей героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот»

НФ	Аглая
Глаза ее сверкнули взрывом досады (105), столкнула с дороги (105, 106), сказала гневливо (105), вскрикнула в негодовании (105), топнув ногой (205), держала себя надменно (106), вскричала (107, 112, 152, 160), смеялась и кричала (107), бесцеремонно разглядывала (109), в нетерпении ждала ответа (109, 114), вскрикнула с недовольно и брезгливой гримаскою, точно ветреная дурочка, у которой отнимают игрушку (112), весело воскликнула (113), крикнула, хохоча и хлопая в ладошки как девочка (114), хохотала как в истерике (115), смотрела с беспокойным любопытством (117), обмерила его насмешливым и высокомерным взглядом (118), ответила тихо и серьезно и с некоторым удивлением (118), засверкавший взгляд (119), засмеялась... и продолжила смеяться (119), поддразнивая (119), крикнула (120, 122, 177, 178, 179, 304), с пренебрежительной веселостью парировала	Перебила мать с досадой (55), топнула ножкой (56). Сразу показала недоверие князю — «подло с его стороны роль разыгрывать» (58), вскричала (61), сказала, почти раздражаясь (64), строго и привязчиво (65), вскричала (65), кольнула (66), отрезала (66), вскричала (69, 80, 343, 427), посмотрела требовательно и насмешливо, на портрет НФ «мельком, прищурилась, выдвинула нижнюю губку» (84), резко (87), обращалась с Колей Иволгиным свысока (190), с надменным негодованием (248), рассердилась (248), смущение и досада за смущение (249), говорит серьезно и важно (250), с досадой перебивает (251), громко вскричала (289), нетерпеливо и гневно произнесла (295), прошептала как бы в испуге (303), смотрела с аффектацией (252), ушла не простившись (304), пребывала три дня в истерике (332), упорно молчит (334), казалось, она была в последней степени

⁸ Руднев В. П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002. С. 108.

⁹ Кречмер Э. Гениальные люди. СПб.: ГА «Академический Проект», 1999. С. 55.

О поэзии и прозе

(120), прошептала она быстро, горячо, вся вдруг вспыхнув и покрасневшись (122), странные, резкие и быстрые выходы (146), объявила настойчиво и значительно (146), в ее **истерическом** и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь (146), вдруг вся оживляясь (147), «И теперь она была как в **истерике**, суегилась, смеялась судорожно, припадочно» (148), раздражительно и нетерпеливо приказала (150), «все заметили, что, после своего недавнего припадочного смеха, она вдруг стала даже угрюма, брюзглива и раздражительна; тем не менее упрямо и деспотично стояла на своей невозможной прихоти» (150), резко и досадливо проговорила (150), не скрывая брезгливого отвращения (151), вздрогнула от гнева (152), рассмеявшись (152), «видно было, что тоска и раздражительность усиливались в ней все сильнее и сильнее» (153), небрежно проговорила (155, 158), резко и неожиданно обратилась (159), резко, твердо и четко (159), властно и как бы торжественно (159), засверкали глаза и даже губы вздрогнули (158), перебила (162), с лихорадочно-нетерпеливым вызовом (166), засмеялась (167, 171), захохотала (172, 175), засверкали две крупные слезы на щеках (175), хохоча вскочила (174), как в исступлении (174) бросает пристальный, беспокойный нетерпеливый взгляд (565), смеялась со злобы, укоряла в гнев (426), усмеяется (566), «Накануне свадьбы <...> Князь застал невесту запертою в спальне, в слезах, в отчаянии, в **истерике**; она долго ничего не слыхала, что говорили ей сквозь запертую дверь, наконец отворила, впустила одного князя, заперла за ним дверь и пала пред ним на колени <...>» (592–593).

негодования: глаза ее метали искры (343), разразилась (343), набросилась на мать уже в том **истерическом** состоянии, когда не смотрят ни на какую черту и переходят всякое препятствие (343), прокричала, залилась горькими слезами, закрыла лицо платком и упала на стул (344), разразилась хохотом, тяжелым и неудержимым (344), гневно прошептала (348), капризный голос (354), «все перемены в ней происходили чрезвычайно откровенно и с необыкновенную быстротой» (430), «В таких случаях, чем более она краснела, тем более, казалось, и сердилась на себя за это, что видимо выражалось в ее сверкавших глазах; обыкновенно минуты спустя она уже переносила свой гнев на того, с кем говорила, был или не был тот виноват, и начинала с ним ссориться» (430), «в детстве она в шкап залезала и просиживала в нем часа по два, по три, чтобы только не выходить к гостям» (469), ядовитый взгляд (567), светлый, свежий смех (426), негодовала (426), с презрительным удивлением (426), спрашивала быстро, говорила скоро, была в необыкновенной тревоге (428), внезапная ярость (439), проиграв князю в карты, наговорила ему колкостей и дерзостей (510), расхохоталась ужасно (511), залилась самым сумасшедшим, почти **истерическим** хохотом (514), вдруг вскипела (516), непрерывно ссорилась и поднимала князя на смех (518), так что невозможно было и вообразить, как вспыхнула (519), заговорила нетерпеливо и усиленно сурово (524), начала с видимым отвращением (524), вся вспыхнула (525), топнула ногой и даже побледнела от гнева (526), ответила холодно и заносчиво (554), бледна и глаза сверкали ярким и сухим блеском (564), загорелся гнев на лице (568), расхохоталась на Ганю как в **истерике** (577), в положении нервном, **истерическом** (578).

Если бы мы абстрагировались от текста романа и ограничились одной этой таблицей, то могли бы прийти к выводу, что имеем дело с персонажами-близнецами. Так что НФ сильно преувеличила в письме к Аглае: «Мы две такие противоположности, и я до того пред вами из ряда вон, что я никак не могу вас обидеть, даже если б и захотела» (455).

В готическом романе НФ и Аглая непременно оказались бы сестрами, не знающими о своем родстве, как Евфимия и Аврелия в «Эликсирах дьявола» Гофмана.

А вот в глазах других действующих лиц НФ и Аглая «двойниками» вовсе не выглядят, как можно заключить из следующей таблицы.

Таблица 2

Сравнительная таблица характеристик главных героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот» другими персонажами

Другие персонажи о НФ	Другие персонажи об Аглае
Генерал Епанчин: «а уж тогда все дело в том, как у ней в голове мелькнет» (33). Тоцкий: «колоритная женщина» (177), «эффемерно, романтично, неприлично, но зато колоритно, зато оригинально» (180), НФ поражает	Елизавета Прокофьевна (мать): «Девка самовластная, сумасшедшая, избалованная, — полюбит, так непременно бранить вслух будет и в глаза издеваться» (321), «Девка своевольная, девка фантастическая, девка сумасшедшая! Девка злая, злая,

его «необыкновенною и увлекательною оригинальностью, какою-то силой» (140).

Ганя: «раздражительная, мнительная и самолюбивая женщина. Точно чином обойденный чиновник!» (125), «чрезвычайно русская женщина» (126).

Лебедев: «беспокойна, насмешлива, двуязычна, вскидчива» (203).

Князь Мышкин: «она очень расстроена и телом и душой, головой особенно, и, по-моему, в большом уходе нуждается» (210), «какое жалкое существо эта поврежденная, полумная» (232).

Рогожин (после того, как избил ее до синяков): «иной раз нахмурится, насупится, слова не выговорит» (211–212), «точно сумасшедшая она была весь тот день, то плакала, то убивать меня собиралась ножом, то ругалась надо мной. Залежева, Келлера, и Земтюжникова, и всех созвала, на меня показывает и срамит» (212), «рассердилась, да ненадолго, опять шпынять меня принялась. И подивился я тут на нее, что это у ней совсем этой злобы нет? А ведь она зло помнит, долго на других зло помнит!» (213).

злая!» (322, 329), «самодовольный, скверный бесенок! Нигилистка, чудачка, безумная» (331).

Генерал Епанчин (отец): «хладнокровный бесенок» (360).

Князь Мышкин «понять не мог, как в такой заносчивой, суровой красавице мог оказаться такой ребенок, может быть действительно и *теперь* не понимающий *всех слов* ребенок» (432).

Варвара Иволгина: «она от первейшего жениха отвернется, а к студенту какому-нибудь умирать с голоду, на чердак, с удовольствием бы побежала, — вот ее мечта!» (471).

По мнению Евгения Павловича, Аглая просто не захотела делиться князем с другой: «Да тем-то и возмутительно все это, что тут и серьезного не было ничего! <...> все это было только головное увлечение, картина, фантазия, дым, и только одна испуганная ревность совершенно неопытной девушки могла принять это за что-то серьезное!» (579)

Фактор X. Итак, наша исходная гипотеза подтвердилась: в образах двух соперниц — Аглаи и НФ — нами обнаружены основные компоненты (их еще называют «стигмами») ядра истерического характера. Аглая может быть идентифицирована как типичная истерическая (демонстративная) личность, т.е. обладательница простого характера, включающего всего один характерологический радикал — истерический. «Критической массы» характерологических признаков, позволяющих заключить о наличии в характере Аглаи еще какого-либо радикала, нам обнаружить не удалось.

А вот с характером НФ не все так просто. Неспроста Карл Леонгард отнес НФ не к истерическим личностям, а к *экзальтированным* личностям. Позволим себе объемную цитату:

«У Достоевского страстность натуры Настасьи Филипповны в романе “Идиот” проявляется во многих эпизодах. Если она, наряду с этим, представляется нам и подчеркнута гордой, то эту черту можно считать проявлением психологического развития: ее еще ребенком вынудили стать любовницей развращенного сластолюбца, из-за чего она постоянно подвергалась унижениям, о которых уже никогда не могла забыть. Можно было бы рассматривать ее гордость как психологическую реакцию на все перенесенные унижения.

Страстность же этой женщины никак нельзя объяснить обстоятельствами ее биографии. Хотя Настасья Филипповна постоянно старается наладить спокойный размеренный ход жизни, тем не менее она постоянно сбивается с пути, и это связано с ее легкой эмоциональной возбудимостью. Она

все время колеблется между князем Мышкиным и Рогожиным, и колебания эти не контролируются разумом — ее чувства непрерывно толкают ее то к одному, то к другому. То она решает выйти замуж за одного, то за другого, но всякий раз именно аффекты уводят ее в сторону от принятого решения. Наконец, князь ждет Настасью Филипповну в церкви, где должно состояться венчание. Невесте остается только сесть в экипаж, чтобы доехать до церкви. В это мгновение она увидела Рогожина — и вот уже бросается к нему и бежит с ним. Особенно ярко проявляется страстность героини в одной сцене: в результате всевозрастающего возбуждения она, вырвав кнут во внезапном порыве из рук одного из присутствующих гостей, хлещет своего оскорбителя этим кнутом по лицу.

Между импульсивностью Настасьи Филипповны и грубыми эксцессами Рогожина, о которых говорилось выше, нет никакого сходства. Поступки Настасьи Филипповны отнюдь не бесконтрольны, она отлично отдает себе отчет в том, что нужно, что она хочет сделать. Со своим “сластолюбцем” она расстается, как только достигает совершеннолетия; после этого она не ищет сексуальных походов. Она начитана, образована, обладает большой чуткостью. Последнее проявляется в том, что она не хочет выйти за князя Мышкина, которого глубоко любит, ибо не верит, что сможет дать ему счастье. Таким образом, именно аффекты, а не грубая несдержанность вызывают бурные взрывы чувств Настасьи Филипповны»¹⁰.

¹⁰ Леонгард К. Акцентированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000. С. 488–489.

Но есть еще одна подсказка, пришедшая совсем с другой стороны. Кажется, М. М. Бахтин первым обратил внимание на «двухголосость», «внутреннюю двойственность» характера НФ:

«Лазейка делает двусмысленным и неуловимым героя и для самого себя. Чтобы пробиться к себе самому, он должен проделать огромный путь. Лазейка глубоко искажает его отношение к себе. Герой не знает, чье мнение, чье утверждение в конце концов его окончательное суждение: его ли собственное, покаянное и осуждающее, или, наоборот, желаемое и вынуждаемое им мнение другого, приемлющее и оправдывающее его. Почти на одном этом мотиве построен, например, весь образ Настасьи Филипповны. Считая себя виновной, падшей, она в то же время считает, что другой, как другой, должен ее оправдывать и не может считать ее виновной. Она искренне спорит с оправдывающим ее во всем Мышкиным, но так же искренне ненавидит и не принимает всех тех, кто согласен с ее самоосуждением и считает ее падшей. В конце концов Настасья Филипповна не знает и своего собственного слова о себе: считает ли она действительно сама себя падшей или, напротив, оправдывает себя? Самоосуждение и самооправдание, распределенные между двумя голосами — я осуждаю себя, другой оправдывает меня, — но превосхищенные одним голосом, создают в нем перебой и внутреннюю двойственность. Предвосхищаемое и требуемое оправдание другим сливается с самоосуждением, и в голосе начинают звучать оба тона сразу с резкими переборами и с внезапными переходами. Таков голос Настасьи Филипповны, таков стиль ее слова. Вся ее внутренняя жизнь (как увидим, так же и жизнь внешняя) сводится к исканию себя и своего нерасколотого голоса за этими двумя вселившимися в нее голосами»¹¹.

И далее: «Голос Настасьи Филипповны, как мы видели, раскололся на голос, признающий ее виновной, “падшей женщиной”, и на голос, оправдывающий и приемлющий ее. Перебойным сочетанием этих двух голосов полны ее речи: то преобладает один, то другой, но ни один не может до конца победить другой»¹².

Мы можем выдвинуть гипотезу, которая, правда, очень далеко уводит от оригинальной мысли Бахтина: «двухголосость» образа НФ и наличие в структуре ее характера нескольких характерологических радикалов тесно связаны. Не между ли истерическим радикалом и другим, пока не установленным нами, *радикалом* ведется ее внутренний диалог?

¹¹ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. 5-е изд. Киев: NEXT, 1994. С. 453–454.

¹² Там же. С. 479.

В любом случае характер НФ может быть охарактеризован как *сложный*, т. е. включающий, как минимум, два характерологических радикала. Один нам известен — истерический. Но сколько этих радикалов и как их идентифицировать? На помощь вновь приходит структурный анализ характеров персонажей.

Можно подойти к проблеме в лоб и составить полный перечень всех характерологических признаков НФ, подсчитать их, определить весовые коэффициенты (характерологические координаты). Эта задача по причине объема романа крайне трудоемка или требует применения вычислительной техники.

Можно пойти путем перебора: попытаться обнаружить в образе НФ характерологические признаки других базовых характеров и убедиться, что, например, ни циклоидный, ни эпилептоидный, ни психастенический, ни ананкастический радикалы не имеют в структуре ее характера особого веса.

Но есть и эвристический подход, который быстрее всего приводит к цели. Такой результат не обладает строгой доказательной силой, до тех пор, пока не верифицирован иным образом. Однако есть искушение воспользоваться эвристикой, потому что на фактор X указывают ключевые слова — глубина и загадочность. Глубина и загадочность характера НФ подчеркивается как самим Достоевским (через восприятие НФ другими персонажами). Глубину и загадочность образа НФ и, соответственно, ее характера признают многочисленные исследователи и интерпретаторы романа. Это позволяет сразу догадаться, что искомый радикал — шизоидный.

В самом деле, маркеры «глубокий» и «загадочный» почти всегда указывают на шизоидную личность, которая в отечественной характерологии называется также «аутистической» и «замкнуто-углубленной». Следовательно, НФ может быть идентифицирована как обладательница сложного (в данном случае — диального) характера, включающего в себя два характерологических радикала — истерический и шизоидный. Иначе говоря, НФ — шизоистероид.

Шизоидный радикал в характере Настасьи Филипповны. Обратимся к детству НФ. Ее отец — отставной офицер, представитель хорошей дворянской фамилии — после пожара в имении сошел с ума и умер в горячке. Настю взял на свое иждивение и воспитание богатейший сосед Афанасий Иванович Тоцкий. Девочка воспитывалась вместе с детьми управляющего-немца. В двенадцать лет превратилась в прелестного ребенка, резвого, милого, умненького, обещавшего необыкновенную красоту (42).

Но затем в воспитании девочки произошла разительная перемена: приглашена была почтенная и пожилая гувернантка-швейцарка, преподававшая французский язык и разные науки. С тех пор НФ вела уединенный образ жизни, способствующий самоуглублению. Воспитание маленькой Насти приняло «чрезвычайные размеры». Через четыре года гувернантка уехала, а ее сменила барыня, соседка Тоцкого по имению в другой губернии. Настя поселилось в тихом домике в другом поместье Тоцкого, а вместе с ней и барыня, чье имение было всего в одной версте. «Около Насти явилась старуха ключница и молодая, опытная горничная. В доме нашлись музыкальные инструменты, изящная девичья библиотека, картины, эстампы, карандаши, кисти, краски, удивительная левретка, а чрез две недели пожаловал и сам Афанасий Иванович... С тех пор он как-то особенно полюбил эту глухую степную свою деревеньку, заезжал каждое лето, гостил по два, даже по три месяца, и так прошло довольно долгое время, года четыре, спокойно и счастливо, со вкусом и изящно» (43).

Но вот до НФ доходит слух о женитьбе Тоцкого, и она вдруг является в Петербург: «Эта новая женщина, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала и понимала, — так много, что надо было глубоко удивляться, откуда она могла приобрести такие сведения, выработать в себе такие точные понятия. (Неужели из своей девичьей библиотеки?). Мало того, она даже юридически чрезвычайно много понимала и имела положительное знание если не света, то о том по крайней мере, как некоторые дела текут на свете; во-вторых, это был совершенно не тот характер, как прежде, то есть не что-то робкое, пансионски неопределенное, иногда очаровательное по своей оригинальной резвости и наивности, иногда грустное и задумчивое, удивленное, недоброчливое, плачущее и беспокойное.

Нет: тут хохотало пред ним и кололо его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо, прямо заявившее ему, что никогда оно не имело к нему в своем сердце ничего, кроме глубочайшего презрения, презрения до тошноты, наступившего тотчас после первого удивления. Эта новая женщина объявляла, что ей в полном смысле все равно будет, если он сейчас же и на ком угодно женится, но что она приехала не позволить ему этот брак, и не позволить по злости, единственно потому, что ей так хочется, и что следовательно, так и должно быть, — “ну, хоть для того, чтобы мне только посмеяться над тобой вволю, потому что теперь и я наконец смеяться хочу”» (44). Мы тут видим неожиданную глубину и многосторонние знания, почерпнутые, надо полагать, не только из девичьей библиотеки, но и путем лич-

ных уединенных размышлений, что характерно для шизоидов¹³.

Далее следует очень важное замечание Достоевского: «так по крайней мере она выражалась; все-го, что было у ней на уме, она, может быть, и не высказала», причем НФ хохотала, излагая все это (44). Мы видим и в аргументации НФ, и в ее поведении парадоксальную аутистическую логику, оставляющую впечатление неотмирности или недосказанности.

«...опытность и глубокий взгляд на вещи подсказали Тоцкому очень скоро и необыкновенно верно, что он имеет теперь дело с существом из ряду вон, что это именно такое существо, которое не только грозит, но и непременно сделает, и, главное, ни пред чем решительно не остановится, тем более что решительно ничем на свете не дорожит, так что даже и соблазнить его невозможно. Тут, очевидно, было что-то другое. Подразумевалась какая-то душевная и сердечная бурда, — что-то вроде какого-то романтического негодования бог знает на кого и за что, какого-то ненасытного чувства презрения, совершенно выскочившего из мерки» (45). Зачем Достоевскому подчеркивать опытность и глубину Тоцкого? Очевидно, это призвано показать, что перед нами не обычная поверхностная истеричка, а женщина, реализующая давно и тщательно выношенный замысел. Тоцкий знал, что «она в высшей степени его понимала и изучила, а следовательно, знала, чем в него и ударить» (46).

Внимание: «трудно было вообразить себе, до какой степени не походила эта новая Настасья Филипповна на прежнюю лицом. Прежде это была только очень хорошенькая девочка, а теперь... Тоцкий долго не мог простить себе, что он четыре года глядел и не разглядел. <...> Он припоминал, впрочем, и прежде мгновения, когда иногда странные мысли приходили ему при взгляде, например, на эти глаза: как бы предчувствовался в них какой-то **глубокий** и таинственный мрак. Этот взгляд глядел — точно задавал **загадку**. В последние два года он часто удивлялся изменению цвета лица Настасьи Филипповны: она становилась ужасно бледна и — странно — даже хорошела от этого» (46). Вот они — ключевые слова «глубина» и «загадочность», от которых мы оттолкнулись.

Тоцкий поселил НФ в Петербурге и окружил роскошным комфортом. Прошло лет пять петер-

¹³ Как и ее, сестры Аглая чрезвычайно начитана, так что в отличие от НФ начитанность Аглаи объясняется влиянием домашней среды (19), она бесспорная красавица в семействе (41), чья судьба предназначалась быть «идеалом земного рая» (41). Заметим: в семье Епанчиных Аглая — общий домашний идол, поговаривают даже о каких-то будто бы пожертвованиях двух старших сестер в пользу младшей (18).

О поэзии и прозе

бургской жизни, а шизоидная (аутистическая) логика НФ остается непонятной проницательному Тоцкому: «Некоторое время, в первые два года, он стал было подозревать, что Настасья Филипповна сама желает вступить с ним в брак, но молчит из необыкновенного тщеславия и ждет настойчивого его предложения <...> к несколько неприятному своему изумлению, он вдруг, по одному случаю, убедился, что если бы даже он и сделал предложение, то его бы не приняли <...> Ему показалось возможным только одно объяснение, что гордость “оскорбленной и фантастической женщины” доходит уже до такого иступления, что ей скорее приятнее высказать раз свое презрение в отказе, чем навсегда определить свое положение и достигнуть недостижимого величия» (47).

НФ ведет типичный для шизоидной женщины образ жизни: «хотя приняла предложенный ей комфорт, но жила очень скромно и почти ничего в эти пять лет не скопила. Афанасий Иванович рискнул было на очень хитрое средство, чтобы разбить свои цепи: неприметно и искусно он стал соблазнять ее, чрез ловкую помощь, разными идеальнейшими соблазнами; но олицетворенные идеалы: князья, гусары, секретари посольств, поэты, романисты, социалисты даже — ничто не произвело никакого впечатления на Настасью Филипповну, как будто у ней вместо сердца был камень, а чувства иссохли и вымерли раз навсегда. Жила она больше уединенно, читала, даже училась, любила музыку. Знакомств имела мало: она все зналась с какими-то бедными и смешными чиновницами, знала двух каких-то актрис, каких-то старух, очень любила многочисленное семейство одного почтенного учителя, и в семействе этом и ее очень любили и с удовольствием принимали» (47).

Когда Тоцкий с большими опасениями принялся уговаривать НФ принять предложение Гани, ее реакция вновь его изумляет: «Не только не было заметно в ней хотя бы малейшего появления прежней насмешки, прежней вражды и ненависти, прежнего хохоту, от которого, при одном воспоминании, до сих пор проходил холот по спине Тоцкого, но, напротив, она как будто радовалась тому, что может наконец поговорить с кем-нибудь откровенно и по-дружески. <...> так что ей даже странно, что Афанасий Иванович все еще продолжает быть так напуганным. <...> Ей тяжело и очень скучно, и она хотела бы воскреснуть, хоть не в любви, так в семействе» (50).

Далее НФ принимает деньги от Тоцкого, но «во все не как плату за свой девичий позор, в котором она не виновата, а просто как вознаграждение за исковерканную судьбу», причем разгорячилась и раздражилась, излагая все это (51).

Князь Мышкин сразу замечает в НФ шизоидное сочетание казалось бы несовместимых свойств: «Ему как бы хотелось разгадать что-то скрывавшееся в этом лице и поразившее его давеча. <...> Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти черты. <...> странная красота!» (83).

Снова раздвоенность: «заявлялась какая-то варварская смесь двух вкусов, способность обходиться и удовлетворяться такими вещами и средствами, которых и существование нельзя бы, кажется, было допустить человеку порядочному и тонко развитому» (140).

В аутистический, шизотипический мир НФ нас вводят ее письма к Аглае — единственные непосредственные свидетельства.

«Эти письма тоже походили на сон. Иногда снятся странные сны, невозможные и неестественные, пробудясь, вы припоминаете их ясно и удивляетесь странному факту: вы помните прежде всего, что разум не оставлял вас во все продолжение вашего сновидения; вспоминаете даже, что вы действовали чрезвычайно хитро и логично во все это долгое, долгое время, когда вас окружали убийцы, когда они с вами хитрили... <...> но почему же в то же самое время разум ваш мог примириться с такими очевидными нелепостями и невозможностями, которыми, между прочим, был сплошь наполнен ваш сон? Один из ваших убийц в ваших глазах обратился в женщину, а из женщины в маленького, хитрого, гадкого карлика, — и вы все это допустили тотчас же, как совершившийся факт, почти без малейшего недоумения, и именно в то самое время, когда, с другой стороны, ваш разум был в сильнейшем напряжении, выказывал чрезвычайную силу, хитрость, догадку, логику? <...> Вы усмехаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к нашей действительной жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце; вам как будто было сказано вашим сном что-то новое, пророческое, ожидаемое вами; впечатление ваше сильно, оно радостное или мучительное, но в чем оно заключается и что было сказано вам — всего этого вы не можете ни понять, ни припомнить.

Почти то же самое было и после этих писем. <...> Как могла она *об этом* писать, и как могла такая безумная мечта зародиться в ее голове? Но мечта эта была осуществлена, и всего удивительнее для него было то, что, пока он читал эти письма, он

сам почти верил в возможность и даже оправдание этой мечты. Да, конечно, это был сон, кошмар и безумие; но тут же заключалось и что-то такое, что было мучительно-действительное и страдальчески-справедливое, что оправдывало и сон, и кошмар, и безумие» (454–455).

В этих письмах на каждом шагу мы сталкиваемся с многоуровневой рефлексией — так в двух зеркалах, поставленных под углом друг к другу, возникает галерея, убегающая в бесконечность. Вновь парадоксальная шизоидная логика и аутистическая оторванность от внешнего мира¹⁴:

«...вы для меня — совершенство <...> но во мне есть и грех перед вами: я вас люблю. Совершенство нельзя ведь любить; на совершенство можно только смотреть, как на совершенство <...> Хотя любовь и ровняет людей, но, не беспокойтесь, я вас к себе не приравнивала, даже в самой затаенной мысли моей <...>

Я целый месяц подле него прожила и тут поняла, что и вы его любите; вы и он для меня одно.

<...> Вас же никому нельзя обидеть. Знаете, мне кажется, вы даже должны любить меня. <...>.

О, как горько было бы мне узнать, что вы чувствуете из-за меня стыд или гнев! Тут ваша гибель: вы разом сравниваетесь со мной... (Так и произошло. — М. Б.)

<...> Ради бога, не думайте обо мне ничего; не думайте тоже, что я унижаю себя тем, что так пишу вам, или что принадлежу к таким существам, которым наслаждение себя унижать, хотя бы даже и из гордости. Нет, у меня свои утешения; но мне трудно вам разъяснить это. Мне трудно было бы даже и себе сказать это ясно, хоть я и мучаюсь этим. Но я знаю, что не могу себя унижить даже и из припадка гордости. А к самоунижению от чистоты сердца я не способна. А стало быть, я вовсе не унижаю себя.

<...> я уже почти не существую и знаю это; бог знает, что вместо меня живет во мне <...>» (456–457).

Невозможно предположить, что Аглая была озадачена не столько получением подобных писем, сколько собственной неспособностью на них ответить. Принять сообщение, отправленное НФ, мог только персонаж с шизоидным радикалом в структуре характера.

Реконструкция «свидания двух соперниц». Что представляла бы беседа соперниц, если бы наша гипотеза о шизоидном радикале в структуре характера НФ оказалась ошибочной? Вышла бы типичная беседа двух истероидов: «Встречаются иногда демонстративные (истерики), создающие впечатление умных, утонченно-сложных, жи-

вущих внутренней потаенной жизнью, даже мало-разговорчивых людей. Однако это только впечатление загадочности, объясняющее их способность играть и сложные роли, прикрываясь при этом цитатами, наукообразными (в науке) или просто заимствованными словами, и даже малословием, которое тоже может быть позой. Чуть заговорит такой человек по-своему (не по роли) — и исчезает впечатление самобытности, духовной сложности, анализа. Ничего порою тогда не остается, кроме банальностей, «умных» очков и напыщенно-важной гримасы на лице»¹⁵.

Совсем не такое впечатление оставляет встреча Аглаи и НФ. Гораздо более она походит на беседу истероида и шизоида: «Когда истерическая женщина пытается напустить на себя глубину, женщина-шизоид чувствует, что за этим нет никакой серьезной содержательности <...> Вообще сильная вытеснительная защита практически исключает глубинность-сложность мысли, переживания и, значит, серьезную способность критически относиться к себе. <...>

На то она и поза, драпировка, что не имеет под собою достаточно глубокого, сложного переживания, естественной (теплой) чувственности или символически-духовного, сказочно-божественного <...>

Демонстративные (истерики), случается, представляют и аутистические переживания, поведение. Замкнуто-углубленные, однако, как отмечено выше, обычно тут же, с язвительными улыбками, разоблачают эту демонстративную псевдоаутистичность»¹⁶.

Разочарование НФ в Аглае — это разочарование шизоидной части (субличности) НФ в типичной истеричке: «шизоидные партнеры инстинктивно избегают истерических личностей, они легко их разгадывают и проявляют мало готовности восторгаться ими и подтверждать их притязания»¹⁷.

Из текста романа мы знаем, что инициатор встречи — Аглая Епанчина, НФ фактически вызвана («выписана») ею из Петербурга (562).

Соперницы садятся поодаль друг от друга. Князь и Рогожин стоят. Царит молчание. «Какое-то злое ощущение прошло наконец по лицу Настасьи Филипповны; взгляд ее становился упорен, тверд и почти ненавистен, ни на одну минуту не отрывался он от гостя» (565). Аглая сидит, потупив глаза, как бы в раздумье.

Происходит совершенно бессмысленный разговор двух себялюбивых личностей. Причем Аглая начинает с откровенной глупости:

¹⁵ Бурно М. Е. О характерах людей. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2008. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 58–60.

¹⁷ Рима Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. М.: Алетей, 1999. С. 263.

О поэзии и прозе

«— Вы, конечно, знаете, зачем я вас приглашала <...>

— Нет, ничего не знаю <...>

— Вы все понимаете... но вы нарочно делаете вид, будто не понимаете <...>

— Для чего же бы это? <...>

— Вы хотите воспользоваться моим положением... что я у вас в доме <...>

— В этом положении виноваты вы, а не я! <...> Не вы мною приглашены, а я вами, и до сих пор не знаю зачем? <...>

— Удержите ваш язык; я не этим вашим оружием пришла с вами сражаться...

— А! стало быть, вы все-таки пришли “сражаться”? Представьте, я, однако же, думала, что вы... остроумнее <...>» (566).

Начало беседы очень похоже на попытку истерической женщины затеять ссору. НФ упорно сопротивляется, но видит, что глупая и пустая Аглая не заслуживает ее жертвы.

«Обе смотрели одна на другую, уже не скрывая злобы. Одна из этих женщин была та самая, которая еще так недавно писала другой такие письма. И вот все рассеялось от первой встречи и с первых слов. <...> Самый фантастический сон обратился вдруг в самую яркую и резко обозначившуюся действительность. Одна из этих женщин до того уже презирала в это мгновение другую и до того желала ей это высказать (может быть, и приходила-то только для этого, как выразился на другой день Рогожин), что, как ни фантастична была эта другая, с своим расстроенным умом и больною душой, никакая заранее предвзятая идея не устояла бы, казалось, против ядовитого, чисто женского презрения ее соперницы» (566–567).

Аглая вдруг как бы разом овладела собой, однако продолжила оскорблять НФ: «<...> я с вами не пришла... ссориться, хотя я вас не люблю. <...> вы не могли его полюбить, измучили его и кинули. Вы потому его не могли полюбить, что слишком горды... нет, не горды, я ошиблась, а потому, что вы тщеславны... даже и не это: вы себялюбивы до... сумасшествия, чему доказательством служат и ваши письма ко мне. Вы его, такого простого, не могли полюбить, и даже, может быть, про себя презирали и смеялись над ним, могли полюбить только один свой позор и непрерывную мысль о том, что вы опозорены и что вас оскорбили. Будь у вас меньше позору или не будь его вовсе, вы были бы несчастнее» (567).

НФ вежливо выслушала Аглаю, грустно и тихо ей ответила.

Вдруг Аглаю охватил гнев: «Я хотела от вас узнать <...> по какому праву вы вмешиваетесь в его чувства ко мне? <...> вам просто вообразилось, что

вы высокий подвиг делаете всеми этими кривляниями... Ну могли бы вы его любить, если так любите свое тщеславие? Зачем вы просто не уехали отсюда (что НФ, собственно, и сделала. — М. Б.), вместо того чтобы мне смешные письма писать? Зачем вы не выходите теперь за благородного человека, который вас так любит и сделал вам честь, предложив свою руку? Слишком ясно зачем: выйдете за Рогожина, какая же тогда обида останется? Даже слишком уж много чести получите! Про вас Евгений Павлыч сказал, что вы слишком много поэм прочли и “слишком много образованны для вашего... положения”: что вы книжная женщина и белоручка: прибавьте ваше тщеславие, вот и все ваши причины...» (569).

На это НФ парирует: «А вы не белоручка?».

Далее идет авторское разъяснение: «Слишком поспешно, слишком обнаженно дошло дело до такой неожиданной точки, неожиданной, потому что Настасья Филипповна, отправляясь в Павловск, еще мечтала о чем-то, хотя, конечно, предполагала скорее дурное, чем хорошее; Аглая же решительно была увлечена порывом в одну минуту, точно падала с горы, и не могла удержаться перед ужасным наслаждением мщениия. Настасья Филипповне даже странно было так увидеть Аглаю; она смотрела на нее, и точно себе не верила, и решительно не нашла в первое мгновение. <...> во всяком случае эта женщина, — иногда с такими циническими и дерзкими приемами, — на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить. **Правда, в ней было много книжного, мечтательного, затворившегося в себе и фантастического, но зато сильно и глубоко**» (569). Итак, Аглая наслаждается мщением, в то время как НФ испытывает шок от крушения своих аутистических фантазий.

Аглая продолжает обвинять НФ — в том, что та сразу не бросила своего обольстителя Тоцкого, просто, без театральных представлений, что не пошла работать, а ушла с богачом Рогожиным.

Вмешивается князь Мышкин: «— Аглая, остановитесь! Ведь это несправедливо» (570).

«— Вот смотрите на нее, — говорила Настасья Филипповна, дрожа от озлобления, — на эту барышню! И я ее за ангела почитала! <...> хотите, я вам скажу сейчас прямо, без прикрас, зачем вы ко мне пожаловали? Струсил, оттого и пожаловали.

— Вас струсил? — спросила Аглая, вне себя от наивного и дерзкого изумления, что та смела с нею так заговорить.

— Конечно, меня! Меня боитесь, если решились ко мне прийти. Кого боишься, того не презираешь. И подумать, что я вас уважала, даже до этой самой минуты! А знаете, почему вы бои-

тесь меня и в чем теперь ваша главная цель? Вы хотели сами лично удостовериться: больше ли он меня, чем вас любит, или нет, потому что вы ужасно ревнуете...

— Он мне уже сказал, что вас ненавидит... — едва пролепетала Аглая.

— Может быть; может быть, я и не стою его, только... только солгали вы, я думаю! Не может он меня ненавидеть, и не мог он так сказать! Я впрочем, готова вам простить... во внимание к вашему положению... только все-таки я о вас лучше думала; думала, что вы и умнее, да и получше даже собой, ей-богу!.. Ну, возьмите же ваше сокровище... вот он, на вас глядит, опомниться не может, берите его себе, но под условием: ступайте сейчас же прочь! Сию же минуту!

Она упала в кресла и залилась слезами. Но вдруг что-то новое заблестало в глазах ее; она пристально и упорно посмотрела на Аглаю и встала с места: <...>

— <...> За что она со мной как с беспутной поступила? Беспутна ли я, спроси у Рогожина, он тебе скажет! Теперь, когда она опозорила меня, да еще и в твоих же глазах, и ты от меня отвернешься, а ее под ручку с собой уведешь?» (567).

Автор комментирует, что кричала НФ «почти без памяти, с усилием выпуская слова из груди, с искаженным лицом и запекшимися губами, очевидно сама не веря ни на каплю своей фанфаронаде, но в то же время хоть секунду еще желая продлить мгновение и обмануть себя».

Теперь уже НФ, целиком во власти истерического радикала, бросает вызов Аглае: «Если он сейчас не подойдет ко мне, не возьмет меня и не бросит тебя, то бери же его себе, уступаю, мне его не надо!..»

НФ и Аглая остановились как бы в ожидании. Обе как помешанные уставились на князя.

Князь, однако, не поддается и взывает к рассудку Аглаи: «— Разве это возможно! Ведь она... такая несчастная!» (572). Та, не стерпев и мгновения его колебания, бросилась вон из комнаты.

Далее идет описание классической истерики и истерического обморока, причем этот диагноз ставит сам Достоевский: «Побежал и князь, но на пороге обхватили его руками. Убитое, искаженное лицо Настасьи Филипповны глядело на него в упор, и посиневшие губы шевелились, спрашивая: — За ней? За ней?..»

Она упала без чувств ему на руки. Он поднял ее. Внес в комнату, положил в кресла и стал над ней в тупом ожидании. <...>

— Мой! Мой! — вскричала она — Ушла гордая барышня? Ха-ха-ха! — смеялась она **в истерике**» (572).

Загадка Настасьи Филипповны. Осмелимся предположить, что НФ — это может быть самый сильный и живой женский образ в мировой литературе. Достаточно сказать «Настасья Филипповна» и не надо уточнять, о каком художественном произведении идет речь и кто его автор. Настасья Филипповна — единственный вымышленный женский образ в русской литературе, однозначно идентифицируемый по совсем не редкому имени и отчеству¹⁸. И только литературоведы помнят фамилию НФ — Барашкова.

«Да мало ль Настасий Филипповн!», — восклицает в романе Рогожин (12). Однако есть всего одна, и второй — не быть.

Мы обосновали гипотезу, что превосходство НФ над Аглаей Епанчиной как персонажа заключается в глубине, а под глубиной мы подразумеваем количество радикалов в структуре характера. Если вспомнить гипотетическую реконструкцию В. П. Рудневым характера Татьяны Лариной¹⁹, воспетой А. С. Пушкиным, то выходит, что два самых ярких женских образа в русской литературе относятся к одному и тому же шизоистерическому типу. В этом отношении они разительно отличаются от «тургеневских девушек» с их неприменным психастеническим радикалом.

А что же соперница НФ? Не слишком ли мы принизили Аглаю? Не мы принизили — сам Достоевский. Аглая «после короткой и необычайной привязанности к одному эмигранту, польскому графу, вышла вдруг за него замуж, против желания своих родителей, если и давших наконец согласие, то потому что дело угрожало каким-то необыкновенным скандалом <...> Оказалось, что этот граф даже и не граф. А если эмигрант действительно, то с какою-то темною и двусмысленною историей. Пленил он Аглаю необычайным благородством своей истерзавшейся страданиями по отчизне души и до того пленил, что та, еще до выхода замуж, стала членом какого-то заграничного комитета по восстановлению Польши и, сверх того, попала в католическую исповедальню какого-то знаменитого патера, овладевшего ее умом до иступления. Колоссальное состояние графа, о котором он представлял Лизавете Прокофьевне и князю Щ. почти неопровержимые сведения, оказалось совершенно небывалым. Мало того, в какие-нибудь полгода после брака граф и друг его, знаменитый исповедник, успели совершенно поссорить Аглаю с семейством, так что ее несколько месяцев уже и не видали...» (615). Учитывая отношение Достоевского к полякам и католикам, можно увидеть, что он подо-

¹⁸ Нитченко М. Настасья Филипповна // «Независимая газета», 17 ноября 2011.

¹⁹ Руднев В. П. О шизоистерическом характере // Руднев В. П. Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011. С. 87–116.

брал для пустой и взбалмошной Аглаи самую отвратительную, по своим представлениям, судьбу.

А мы еще раз убедились в справедливости слов Карла Леонгарда: «Именно произведе-

ния Достоевского больше всего и лучше всего снабжают специалистов информацией о том, что собой представляют акцентуированные личности»²⁰.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / Проблемы поэтики Достоевского. 5-е изд. Киев: NEXT, 1994.
2. Бойко М. Е., Руднев В. П. Реализм и характер // Знание. Понимание. Умение, № 3, 2011.
3. Бойко М. Е. Метод структурного анализа характеров литературных персонажей: Аprobация и первые итоги // Культура и искусство, № 1 (7), 2012.
4. Бурно М. Е. О характерах людей. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2008.
5. Волков П. В. Разнообразие человеческих миров: Руководство по профилактике душевных расстройств. М.: Аграф, 2000.
6. Кречмер Э. Гениальные люди. СПб.: ГА «Академический Проект», 1999.
7. Леонгард К. Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 2000.
8. Мак-Вильямс Н. Психодиагностическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М.: Класс, 2011.
9. Рима́н Ф. Основные формы страха. Исследование в области глубинной психологии. М.: Алетейя, 1999.
10. Руднев В. П. Характеры и расстройства личности: Патография и метапсихология. М.: Класс, 2002.
11. Руднев В. П. Введение в шизореальность. М.: Аграф, 2011.
12. Фрейд З. Интерес к психоанализу: Сборник. Минск: Попурри, 2009.

References (transliteration):

1. Bahtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo / Problemy poetiki Dostoevskogo. 5-e izd. Kiev: NEXT, 1994.
2. Boyko M. E., Rudnev V. P. Realizm i harakter // Znanie. Ponimanie. Umenie, № 3, 2011.
3. Boyko M. E. Metod strukturnogo analiza harakterov literaturnyh personazhey: Aprobaciya i pervye itogi // Kul'tura i iskusstvo, № 1 (7), 2012.
4. Burno M. E. O harakterah lyudey. 3-e izd. M.: Akademicheskij Proekt, 2008.
5. Volkov P. V. Raznoobrazie chelovecheskih mirov: Rukovodstvo po profilaktike dushevnyh rasstroystv. M.: Agraf, 2000.
6. Krechmer E. Genial'nye lyudi. SPb.: GA «Akademicheskij Proekt», 1999.
7. Leongard K. Akcentuirovannye lichnosti. Rostov n/D: Feniks, 2000.
8. Mak-Vil'yams N. Psihoanaliticheskaya diagnostika: Ponimanie struktury lichnosti v klinicheskom processe. M.: Klass, 2011.
9. Riman F. Osnovnye formy straha. Issledovanie v oblasti glubinnoy psihologii. M.: Aleteyya, 1999.
10. Rudnev V. P. Haraktery i rasstroystva lichnosti: Patografiya i metapsihologiya. M.: Klass, 2002.
11. Rudnev V. P. Vvedenie v shizoreal'nost'. M.: Agraf, 2011.
12. Freyd Z. Interes k psihoanalizu: Sbornik. Minsk: Popurri, 2009.

²⁰ Леонгард К. Акцентуированные личности. К., 1989. С. 523.